

безтолково отвѣданной, и презрѣніе къ большому свѣту съ неуѣнїемъ обойтись безъ него, и стыдъ бездѣля съ непривычкой къ труду и недостаткомъ подготовки къ дѣлу, и скорбь о родинѣ, и досада на себя, и лѣнь, и уныніе — весь умственный и нравственный скорбь, унаслѣдованный отъ отцовъ и дѣдовъ и прикрытый слоемъ острыхъ или гнетущихъ чувствъ, внутреннихъ старшими братьями. Это была полная нравственная растерянность, выражавшаяся въ одномъ правилѣ: ничего сдѣлать нельзя и не нужно дѣлать. Пушкинъ, начавши „Онѣгина“ въ 1822 году, первый подмѣтилъ этотъ типъ, державшійся въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, послѣ чего это настроеніе и умерло, по словамъ критика.

Такова генеалогія пушкинскаго героя, реставрированная г. Ключевскимъ. Избранный имъ прїемъ объясненія пушкинскаго героя не только остроуменъ, но и весьма пригоденъ исторически. По даннымъ выпискамъ и изложенію, читатель могъ видѣть, что почтенный историкъ съумѣлъ очень ловко воспользоваться фактами нашей бытовой исторіи, чтобы построить рядъ преемственныхъ біографій, рисующихъ характеръ образованія и нравы разныхъ эпохъ, отъ царя Алексѣя до императора Николая. Историческая смѣна общественныхъ и личныхъ настроеній искусно доведена до пушкинскаго героя и объяснить въ немъ многое, чтò до сихъ поръ еще не было такъ рельефно указано критикой пушкинскаго романа. Самый прїемъ заслуживаетъ вниманія. Дѣйствительно, многія типическія лица, изображенныя русской поэзіей, романомъ, драмой, могутъ быть вполне поняты только при помощи подобнаго генетическаго изслѣдованія, которое одно можетъ раскрыть ихъ реальную связь съ обществомъ и ихъ antecedенты въ его прошедшемъ. Нельзя сказать, чтобы до сихъ поръ наша критика цѣнила важность подобнаго пріема... Въ данномъ случаѣ чувствуется, однако, какая-то односторонность. Правда, критикъ оговаривается въ самомъ началѣ, что имѣетъ въ виду не настоящіе моменты нашей жизни, а явленія исключительныя, тѣмъ не менѣе рядъ нарисованныхъ картинъ походитъ именно на изображеніе настоящихъ историческихъ моментовъ жизни русскаго общества, явленій не столько исключительныхъ, сколько, напротивъ, весьма общихъ, потому что они именно тѣсно связаны были съ ходомъ русскаго общественнаго образованія и охватывали цѣлый обширный классъ людей въ томъ кругѣ, которому почти исключительно принадлежала обязанность и привилегія высшаго образованія. Неужели же дѣйствительно исторія образованія въ этомъ кругѣ есть только исторія нравственныхъ и умственныхъ